

УДК 316.323

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-74-86

Ключевые социальные решения эпохи модерна

О. К. Трубицын

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается вопрос о наиболее существенных характеристиках процесса модернизации. Модернизация – это процесс приобретения и закрепления высокого статуса страны в условиях эпохи модерна. Статус страны выражается в ее высокой международной экономической, geopolитической, социальной и культурной конкурентоспособности. Эпоха модерна – исторический период, когда конкурентоспособность страны определялась, прежде всего, относительным уровнем ее индустриального развития. Соответственно индустриализацию следует признать основным содержанием модернизации. Второстепенными параметрами модернизации, ее дополнительными предпосылками выступают процессы урбанизации, бюрократизации, массовизации, научно-технического развития и развития военной мощи.

Ключевые слова

модернизация, модерн, geopolитика, индустриализация, капитализм

Для цитирования

Трубицын О. К. Ключевые социальные решения эпохи модерна // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 74–86. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-74-86

Key Social Decisions of the Modern Era

O. K. Trubitsyn

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This article discusses the most significant characteristics of the modernization process. Modernization is the process of acquiring and consolidating the high status of the country in the modern era. The status of the country is expressed in its high international economic, geopolitical, social and cultural competitiveness. The modern era is a historical period when the competitiveness of the country was determined,

© O. K. Трубицын, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 1

first of all, by the relative level of its industrial development. Accordingly, industrialization should be recognized as the main content of modernization. Secondary parameters of modernization, its additional prerequisites are the processes of urbanization, bureaucratization, massification, scientific and technical development and the development of military power.

Keywords

modernization, modernism, geopolitics, industrialization, capitalism

For citation

Trubitsyn O. K. Key Social Decisions of the Modern Era. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 74–86. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-74-86

Развитые страны XIX–XX вв. при всех своих особенностях и различиях между собой, обусловленных культурно-историческими традициями и политico-идеологической спецификой, обладают явным сходством между собой и существенно отличаются от самих себя, какими они были в предыдущие эпохи. Это дало основания утверждать, что существует стадиальное развитие общества и что, соответственно, общества можно классифицировать не только по территориально-географическому, религиозно-культурному и т. п. «горизонтальным» признакам, но и по «вертикальным» – в зависимости от расположения на той или иной стадии исторического развития. Существует целый ряд линейно-стадиальных подходов к истории, предлагающих разное выделение стадий, но теория модернизации предлагает наиболее простой и популярный вариант – разделение Всемирной истории на стадию досовременных обществ (премодерн) и современных обществ (модерн). В XX в. появилась версия о переходе к третьей стадии – постсовременности (постмодерну), но в данной работе этот вопрос рассматриваться не будет, поскольку в центре ее внимания находится проблема модернизации.

Модернизация, в самом абстрактном понимании, – это процесс становления и развития общества модерна. «Развитыми», или «модернизованными», именуются страны, совершившие переход от состояния общества премодерна к состоянию модерна и продолжающие успешно развиваться в рамках данной парадигмы общественного устройства. Основным показателем успешности развития страны является ее конкурентоспособность, в первую очередь военно-геополитическая, т. е. как минимум – способность охранять свой суверенитет от внешних силовых посягательств, а как максимум – осуществлять экспансию. Во-вторых, экономическая конкурентоспособность, т. е. способность поддерживать производительные силы как минимум на том же качественном уровне, что и основные конкуренты. В принципе, возможно, есть смысл добавить еще ряд критериев, значимость которых со временем повышается. Например, социальный и культурный параметры конкурентоспособности, связанные со способностью данного общества обеспечивать достаточно высокий уровень жизни и достаточную престижность и привле-

кательность национального образа жизни, чтобы обеспечить лояльность населения и положительное миграционное сальдо. Но данные показатели, по большей части, производны от первого и второго, поэтому, чтобы не усложнять модель, ими можно пока пренебречь. Показатель научно-технического развития, несомненно, значим, но он фактически имеет значение не сам по себе, а в качестве уже воплощенных в жизнь достижений; и как таковой он уже учтен в прочих параметрах – как уровень военно-технического и технико-экономического развития страны. В связи с этим его следует рассматривать не как показатель модернизации, а как ее фактор.

Успешное военное и экономическое развитие необходимо любой стране в любую историческую эпоху, соответственно и «модернизация» должна относиться к любой исторической эпохе. В определенном смысле это так и есть, но, придерживаясь устоявшейся практики словоупотребления, будем подразумевать под модернизацией успешное развитие только в эпоху модерна. У такого ограничения есть существенное основание – специфика данной эпохи, ее вызовов и ответов (типовых решений).

Принятие такой посылки не закрывает, а, напротив, только открывает спор о сути эпохи модерна и главном, определяющем всё остальное, решении. Пожалуй, наиболее популярной версией является утверждение, что ключевым решением эпохи модерна является индустриализация, поэтому и само общество модерна, по сути, может именоваться индустриальным. Именно такой версии придерживаются сторонники теории единого индустриального общества (Р. Арон, А. Турен и др.), с точки зрения которых модернизация – это прежде всего индустриализация, а прочие общественные изменения являются сопутствующими. Исходя из такой точки зрения, развитие доиндустриальных капиталистических стран Европы XVI–XVIII вв. можно назвать предмодернизацией либо, самое большое, можно назвать ранней модернизацией мануфактурную стадию развития капитализма. Таким образом, полноценная модернизация началась если и не в XIX в., то не намного раньше. Прочие показатели, точнее факторы «современности» общества, с этой точки зрения являются либо производными, либо вариативными. К первым относятся урбанизация, массовое образование, бюрократизация, научно-техническое развитие; ко вторым – капитализм / социализм, демократия / авторитаризм, секуляризация / клерикализм. С точки зрения теории единого индустриального общества различия между Советским Союзом, США и франкистской Испанией начата 1970-х гг. в плане идеологии и политического устройства, конечно, значимы, но основные социальные решения (индустриализация, прежде всего) одни и те же у всех. Следовательно, по большинству параметров эти общества приблизительно одинаково современны, хотя и не одинаково успешны. С точки зрения

большинства сторонников индустриальной версии теории модернизации, примеры наиболее успешной модернизации подают страны со светскими и демократическими политическими режимами и либерально-капиталистической экономикой, однако существуют и альтернативные пути модернизации.

Другая популярная версия, к сторонникам которой можно отнести столь разных по идеологическим взглядам теоретиков как К. Маркс, М. Вебер и В. Зомбарт, строится на утверждении, что ключевым решением эпохи модерна является капитализм. Соответственно, общество модерна – это, по сути, общество капиталистическое. С точки зрения К. Маркса, нормальное функционирование капиталистической системы с необходимостью порождает научно-технический прогресс, индустриализацию и т. д. Для М. Вебера принципиален не столько капитализм вообще, сколько рациональный капитализм, которому «сродственны» прочие параметры рационализации, как то бюрократизация, формирование корпораций, развитие науки и пр.

Для сторонников данного варианта теории модернизации обоснованным представляется утверждение Д. Трубицына [2012], что единственный правильный вариант модернизации – капиталистический. Отказ от капитализма в пользу социализма выглядит с точки зрения марксизма как прогрессивный переход на новую ступень исторического развития, а с точки зрения либеральной теории модернизации – как уход со столбовой дороги прогресса в исторический тупик. Однако по отношению к модерну оба этих подхода являются разновидностью «капиталистической» версии теории модернизации, с точки зрения которой процесс этот начался приблизительно с XVI в., будучи обусловленным специфическими материальными (К. Маркс) или идеальными (М. Вебер) факторами. Индустриализация же с этой точки зрения выступает свойством «зрелого» капитализма.

И «индустриальная», и «капиталистическая» версии теории модернизации имеют свои веские обоснования. Но, как представляется, в их споре правá скорее первая из них: основным содержанием процесса модернизации является индустриализация – не принципиально, капиталистическая или нет. Против этого можно возразить, что исторически именно капиталистическая система породила индустриализацию, как и некоторые другие параметры модернизации (например, становление современной науки). Однако общества, которые с некоторым основанием можно было назвать капиталистическими, появлялись и в эпоху премодерна, но это не делало их высоко конкурентоспособными: обычно они поглощались некапиталистическими империями. Только с развитием индустрий капиталистические страны Запада обрели бесспорную мировую, а не только региональную гегемонию. Капитализм сам по себе, без развитой индустрии, не является достаточным условием «современности» как конкурентоспособности. Возьмем пример переход-

ной эпохи, которую можно назвать эпохой раннего модерна, или периодом доиндустриальной (мануфактурной) протомодернизации. В XVIII в. Россия при Петре I и Екатерине II была вполне успешной страной в плане военной и экономической конкурентоспособности и даже обеспечивала условия для привлечения иммигрантов, не будучи при этом страной капиталистической. Также и в XX в. некапиталистические индустриальные страны бросили серьезный вызов странам капиталистическим. В это время относительно успешно развивать свою экономику и военную силу, осуществлять научно-технический прогресс оказались способны социалистические режимы и фашистские режимы со своей специфической организацией экономики (государственное планирование плюс частная собственность). СССР середины XX в. по факту был вполне модернизованный страной, не только догоняя, но и вырываясь вперед по отдельным направлениям. Конечно, вопреки ожиданиям коммунистов он так и не смог выйти на качественно новый, более высокий по сравнению с капиталистическими странами уровень развития производительных сил, оставшись в пределах логики эпохи модерна. Но все же он был вполне конкурентоспособен в плане военной конкуренции, а экономическое соревнование проиграл, если так можно сказать, «по очкам», до определенного времени достаточно успешно участвуя в гонке за лидерами. В свою очередь в XX в. имеется немало примеров стран вполне капиталистических, но отсталых, не эффективных по основным критериям. Исходя из этого, будем считать именно индустриализацию ключевым решением эпохи модерна и сущностью модернизации.

С учетом данных соображений рассмотрим подробнее пару популярных версий теории модернизации. Процесс модернизации, с точки зрения Р. Коллинза [2015], включает следующие четыре основных параметра: бюрократизация, секуляризация, капиталистическая индустриализация, демократизация. Впрочем, в статье «Четыре корня модернизма» он дает несколько иной перечень оснований общества модерна: бюрократизация, массовая мобилизация, капиталистические рынки, секуляризация¹. Можно сопоставить эту модель с версией Ш. Айзенштадта [Иванов, 2002. С. 68], который под модернизацией подразумевает серию эмпирически фиксируемых с начала XIX в. изменений: индустриализация, демократизация, секуляризация, урбанизация, научно-техническая революция. Основным критерием современности у обоих авторов выступает сочетание индустриального капитализма и либеральной демократии. Все другие варианты, с этой точки зрения, выглядят аномалиями, вариантами исторически случайными и нежизнеспо-

¹ Коллинз Р. Четыре корня модернизма. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/CHetyre-kornya-modernizma> (дата обращения 05.11.2019).

собными. По некоторым другим параметрам, как можно убедиться, данные авторы расходятся: Ш. Айзенштадт «не замечает» бюрократизации, а Р. Коллинз не признает столь фундаментального или самостоятельного значения урбанизации и научно-технической революции, которые у него выступают производными или вспомогательными факторами.

Рассмотрим данные факторы более подробно. Оба исследователя разрешают дилемму капитализма и индустриализма путем признания равнозначности данных факторов и их объединения в едином процессе капиталистической индустриализации. У такого подхода есть свои основания. Эмпирически можно зафиксировать то, что капитализм только тогда стал абсолютно доминирующей в мире системой, когда в его рамках была осуществлена индустриализация. Также фактом является то, что капитализм пережил всех своих оппонентов – почти все страны, что пытались проводить некапиталистическую индустриализацию, отказались от этого. Даже формально социалистический Китай, по сути, является скорее страной с государственным капитализмом. Тем не менее, как было отмечено ранее, автор данной работы придерживается индустриального варианта теории модернизации, исходя из тех критериев модернизации, которые были заданы ранее. Не имеется достаточных теоретических оснований считать, что эффективная индустриализация может быть только капиталистической, зато имеются приведенные ранее примеры относительно успешных некапиталистических, но вполне модернизированных стран. Согласно утверждению того же Р. Коллинза [2000], причиной крушения СССР был геополитический фактор – чрезмерное расширение, т. е. форс-мажорные обстоятельства, а не закономерность экономического порядка. Таким образом, на основании эмпирических свидетельств можно лишь утверждать, что капиталистический путь индустриализации оказался более успешным.

Бюрократизация, о значении которой первым заявил М. Вебер, является второстепенной по отношению к индустриализации, но, безусловно, необходимой универсалией, способствующей поддержанию и нормальному функционированию индустриального общества. Бюрократизация осуществляется на уровне отдельных институциональных единиц – воинских подразделений, университетов и т. п., а главное – на промышленных предприятиях, способствуя развитию крупного индустриального производства. Также она осуществляется на уровне общества в целом, что приводит к построению модели современного национального государства.

«Второстепенной» по отношению к индустриализации бюрократизацию следует считать потому, что нет прямой корреляции между уровнем бюрократизации и успешностью модернизации. Чрезмерное развитие бюрократии в эпоху модерна могло становиться и тормозящим для общества фактором. В период ранней инду-

стриализации Англия, страна с относительно слабо развитой бюрократией, опередила более бюрократизированную Францию. В эпоху премодерна имеются примеры режимов с достаточно развитой даже по критериям раннего модерна бюрократией. Таковы, в частности, Римская империя и Китай.

Демократизация, как и капитализм, не является универсальным параметром модернизации. Причем значимость ее меньше, чем у капитализма. С одной стороны, демократии в ее либеральном понимании не было в Германии в период ее индустриального подъема в конце XIX – начале XX в., как не было и в России того же периода, и в сталинском СССР, что не мешало им демонстрировать чудеса экономического роста и успешность военной организации. В наши дни Сингапур является примером страны авторитарной, но при этом вполне успешной в плане экономического развития, а максимальные темпы экономического роста и усиления армии в последние десятилетия наблюдаются в КНР. С другой стороны, Древняя Греция была местом, где существовало множество демократических полисов – более демократических, чем современные западные олигархии, прикидывающиеся демократиями, что абсолютно не делает Грецию примером общества модерна. В XX в. также имелось изрядное количество слаборазвитых демократий. Хватает их и сейчас. Таким образом, демократия не порождает индустриализацию, и нельзя даже обоснованно утверждать, что способствует ей. Значит, этот фактор не является необходимым для успешной экономической конкуренции страны и еще меньше для ее успешной военной конкуренции. По всей видимости, его вообще стоит исключить из списка значимых параметров модернизации.

Возможно, фактор демократизации следует заменить фактором массовизации, т. е. способности гражданских структур (о чем говорит Р. Коллинз²) и, что важнее, государственных структур проводить массовую мобилизацию для решения масштабных организационных задач. Это потребовало создания системы массового образования и пропаганды для формирования массового сознания. Обратной стороной этого процесса стало создание массовых общественных организаций, в том числе оппозиционных, что привело к демократизации. Другими словами, демократизация не фактор, а одно из возможных, но не обязательных следствий модернизации.

С параметром секуляризации история примерно та же, что и с параметром демократизации. Эмпирически можно обнаружить некоторые корреляции между уровнем модернизированности страны и уровнями ее секуляризации и демократизации. Но, скорее всего, это не потому, что данные процессы являются факторами модернизации, а потому, что на все три параметра влияет один и тот же

² Коллинз Р. Четыре корня модернизма.

фактор – массовизация. Массовизация, в том числе массовое светское образование, необходимое для осуществления индустриализации и организации управления масштабными бюрократическими структурами, косвенным образом способствует секуляризации сознания. А эффективность массовой пропаганды принципов современных светских идеологий – либерализма, социализма и национализма (фашизма), более гармонично сочетающихся с культурой модерна, чем традиционное религиозное сознание, позволяет правящим элитам заменить церковь в качестве института легитимации светскими институтами агитпропа. Тем не менее это не делает секуляризацию неизбежной. Пример Российской империи рубежа XIX–XX вв. или современного Ирана показывает, что страна с высоким статусом религии вполне может быть более или менее конкурентоспособной, не уступая в критической мере лидерам. Да и американское общество, в отличие от государства, вплоть до последнего времени было весьма религиозным.

В вопросе об урбанизации следует, скорее, принять точку зрения Ш. Айенштадта, включающего ее в список ключевых факторов, чем Р. Коллинза, игнорирующего данный параметр. Против этого утверждения можно привести несколько доводов. С одной стороны, так называемые «городские революции», когда существенно возрастила доля городского населения и значение городской культуры, происходили и в эпоху премодерна. Можно привести пример Древней Греции, которая представляла собой полисное, т. е. городское общество. С другой стороны, можно привести примеры некоторых современных стран, где массовая миграция из сельской местности в города не привела к созданию современного общества, породив лишь обширные криминализованные трущобы. Следует уточнить, что под урбанизацией как фактором модернизации подразумевается только такая урбанизация, при которой переселяющиеся в города сельские жители успешно социализируются, усваивают городской образ жизни и получают городские профессии. Таким образом, урбанизация является существенным и универсальным параметром процесса модернизации: без урбанизации нет модернизации, а темп урбанизации – один из основных операциональных критериев модернизации, следовательно, только высоко урбанизированное общество можно считать близким к идеально-типовому обществу модерна. Впрочем, из этого нельзя вывести прямую функциональную связь или строгую корреляцию между уровнем урбанизации и уровнем военной и экономической конкурентоспособности. Тем не менее некоторая корреляция такого рода для эпохи модерна характерна.

Далее оценим значение фактора научно-технической революции, является ли он самостоятельной движущей силой модернизации, специфичной для эпохи модерна. Наука – самостоятельный институт и сфера деятельности. Она, в ее современном виде, возникла приблизительно в одно время с капитализмом и прежде

индустриализма и развивается относительно автономно, под сильным влиянием внутренних факторов. Уровень научно-технического развития в значительной мере определяет успешность и конкурентоспособность общества модерна. Это дает основания причислить его, вслед за Ш. Айзенштадтом, к группе ключевых факторов модернизации. Иначе говоря, успешная модернизация с необходимостью подразумевает заботу государства о развитии его научного потенциала. Впрочем, непосредственной производительной силой наука становится только после второго промышленного переворота конца XIX в., а до этого влияние науки на ход модернизации было не столь велико. Итак, данный фактор следует считать второстепенным и вспомогательным по отношению к фактору индустриализации.

Наконец, в качестве гипотезы можно рассмотреть значение такого параметра, как воинская сила, который в отмеченных ранее концепциях модернизации был несправедливо проигнорирован. Мощь вооруженных сил страны, определяемая сочетанием уровня военной организации и военных технологий, выступает, прежде всего, одним из важнейших показателей уровня модернизированности, а затем фактором модернизации. В абстрактном виде такое предположение выглядит как попытка использовать объясняемый фактор в качестве объясняющего. Но здесь речь идет о том, что с исторической точки зрения военная мощь Европы, сформированная еще в эпоху премодерна, выступила средством первоначального накопления капитала за счет ограбления колоний и таким образом стала предпосылкой экономической модернизации.

Предлагаемая модель может вызвать ряд обоснованных сомнений, некоторые из них следует дополнительно обсудить. В частности, возникают следующие вопросы. Почему конкурентоспособность принимается как ключевой критерий модерности? Почему только один фактор обязан быть базовым, ключевым, почему базовыми более или менее автономными признаками модернизации не могут быть разные аспекты; иначе говоря, зачем выделять базовые и второстепенные, производные факторы? Поскольку конкурентоспособность меняется весьма динамично, значит ли это, что проигрывающее в данном аспекте общество стало «менее модернизированным»? Наконец, почему нельзя по одним аспектам считать общество модернизированным, а по другим – не модернизированным?

С точки зрения Н. С. Розова, субстанциальный критерий периодизации всемирной истории заключается в смене основных типов разнообразий режимов. «Любой режим адекватен только при определенных условиях. Условия неизбежно изменяются... что служит вызовом для прежних режимов – режимным кризисом» [2001. С. 247]. «Под господством (доминированием) режимов будем понимать их более высокую эффективность в широких пределах сложившихся в данное время

условий, причем эта эффективность проявляется в неуклонном распространении через вытеснение и ассимиляцию конкурирующих режимов» [Розов, 2001. С. 247]. Конкуренция режимов ведется посредством борьбы обществ. «Итак, победы и поражения обществ... следует представить как феноменальный уровень, манифестацию скрытой конкуренции режимов...» [Там же. С. 250].

Таким образом, конкурентоспособность общества (определенного социально-исторического организма с определенным человеческим режимом) – это универсальный эволюционный критерий, адекватный для анализа всех основных эпох в развитии человечества, а не только модерна. Конкурентоспособность подразумевает жизнеспособность общества, в том числе при столкновении с другими обществами. Стадии истории следуют выделять исходя из того основания, что на каждой стадии имеется свой специфический режим, свой набор эволюционных универсалий. На каждой новой стадии старые режимы (технико-экономический, прежде всего) становятся неэффективными и не обеспечивают конкурентоспособность или даже само выживание общества. Требуется переход к новому режиму, который выступает как эволюционная универсальность.

Исходя из данного подхода, мы можем задаться вопросом, что же выступало ключевым, базовым фактором успеха Европы в Новое время. Причем победа европейцев в Америке не имеет принципиального значения, поскольку американские общества были технологически отсталыми и неразвитыми в военном плане *по средневековым меркам*. Поэтому в экспансии европейцев на американский континент, как и русских в Сибирь, нет ничего удивительного. Вопрос состоит в том, почему европейцам удалось установить свою гегемонию над Азией, т. е. высокоразвитыми по средневековым меркам цивилизациями? И что послужило толчком фундаментального изменения самих европейских обществ?

Как было указано ранее, имеется почти общепринятый список основных параметров модернизации, т. е. ключевых изменений в социальном режиме в соответствии с требованиями новой эпохи. Наиболее часто называются индустриализация, становление капитализма, секуляризация, массовизация, демократизация, урбанизация, бюрократизация и научно-техническое развитие. Все они в той или иной степени значимы, но их значимость не однопорядкова. Мы можем провести мысленный эксперимент, представив себе два примерно равных по размерам и ресурсам общества, страны А и В, где А существенно опережает страну В по уровню индустриального развития, но столь же значимо уступает ей по всем прочим параметрам. Можно с уверенностью сказать, что страна А победит страну В при их прямом военном столкновении, а также в конкуренции на мировом рынке. Как представляется, реальным историческим воплощением данного мысленного эксперимента была Франко-Прусская война, когда Франция еще обладала превос-

ходством в уровне научного развития, давно преодолела провинциальную разобщенность за счет бюрократической централизации, а французское общество имело богатый опыт демократических и секуляристских экспериментов, зато германская промышленность на 30 % опережала французскую.

Этот пример демонстрирует также, что модернизация – это системное явление и оценивать его нужно по общему результату, а не по отдельным параметрам, не считая индустриализации. Индустриализация – это концентрированное выражение успехов во всех прочих сферах общественного развития эпохи модерна. Именно успешная индустриализация вызывает эффективную урбанизацию, когда новые горожане находят свое место в городской экономике и социальной жизни. В обратную сторону это соотношение не работает: ускоренная урбанизация без индустриального развития порождает лишь социальные проблемы, маргинализацию значительной части населения в трущобах на городских окраинах. Примерно так же обстоит дело и с прочими параметрами. Демократия или секуляризм самостоятельными показателями модернизации не являются, поскольку сами по себе не определяют уровень конкурентоспособности общества. Именно поэтому представляется адекватным выделять базовый фактор модернизации – индустриализацию, и второстепенные факторы – все остальные, являющиеся способствующими индустриализации либо производными от нее.

Конкурентоспособность, действительно, меняется весьма динамично, что можно сказать и об уровне модернизованных стран. Когда мы говорим, что данная страна является модернизованной, то это наводит на ложные представления о том, что модернизованный есть определенное состояние, некий уровень, достигнув которого страна может более ни о чем не беспокоиться. Более правомерно представлять себе модернизацию как постоянный процесс, по принципу Черной Королевы Л. Кэрролла: «нужно быстро бежать, чтобы оставаться на том же месте». С одной стороны, имеются объективные показатели – модернизационные «достижения», которые можно, образно говоря, вешать в рамочке на стену. Но с другой, что принципиально, все достижения относительны и стоят чего-либо в основном при сравнении с иными странами. Принцип Черной Королевы (постоянства конкуренции), подразумевающий временный и относительный характер любых достижений, не позволяет почивать на лаврах. Тот, кто этого не признает, впадает в застой, обречен на кару истории. Что же касается примера гитлеровской Германии, то здесь следует согласиться с возражением – это была вполне успешно модернизованная страна, однако в случае прямого военного столкновения важен не только качественный уровень развития, но и количественные показатели – население, ресурсы. Именно учет количественного фактора не позволяет принять факт победы либерального блока над всеми противниками в XX в. за достаточное

обоснование тезиса о безальтернативности либерального варианта модернизации. Для чистоты эксперимента стоило бы уронять основных конкурентов – Западный блок, фашистский блок и социалистический блок в исходных ресурсах.

Список литературы / References

- Иванов Д. В.** Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 224 с.
Ivanov D. V. Virtualizatsiya obshchestva. Versiya 2.0 [Virtualization of society. Version 2.0]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2002. (in Russ.)
- Коллинз Р.** Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 504 с.
Collins R. Makroistoriya: ocherki sotsiologii bolshoi dlitelnosti [Macrohistory: essays in sociology of long duration]. Moscow, URSS Publ., 2015. (in Russ.)
- Коллинз Р.** Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира. 2000. Вып. 1. С. 234–278.
Collins R. Predskazanie v makrosotsiologii: sluchai sovetskogo kollapsa [Prediction in macrosociology: the case of the Soviet collapse]. In: Vremya mira [Time of Peace]. N. Rozov (ed.). Novosibirsk, 2000, iss. 1: The Historical Macrosociology on 20th Century, p. 234–278. (in Russ.)
- Розов Н. С.** На пути к обоснованным периодизациям Всемирной истории // Время мира: Альманах / Под ред. Н. С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. Вып. 2: Структуры истории. С. 222–305.
Rozov N. S. Na puti k obosnovannym periodizatsiyam Vsemirnoi istorii [On the way to reasonable periodizations of world history]. In: Vremya mira [Time of Peace]. N. Rozov (ed.). Novosibirsk, 2000, iss. 2: Structure of history, p. 222–305. (in Russ.)
- Трубицын Д. В.** Индустриализм как технолого-экономический детерминизм в концепции модернизации: критический анализ // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 59–71.
Trubitsyn D. V. Industrializm kak tehnologo-ekonomicheskii determinizm v konseptsii modernizatsii: kriticheskii analiz [Industrialism as techno-economic determinism in the concept of modernization: critical analysis]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2012, no. 3, p. 59–71. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию

Received

02.12.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Трубицын Олег Константинович, кандидат философских наук, доцент Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Oleg K. Trubitsyn, Candidate of Science (Philosophy), docent Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

trubitsyn77@mail.ru